

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98

«Самая жизнь знакомила, дружила меня всесторонне с языком...» (к 220-летию со дня рождения В. И. Даля)

Марина Николаевна Приемышева

*Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
mn.priemysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>*

Аннотация. В статье, посвященной 220-летию со дня рождения В. И. Даля, представлен краткий обзор его творческой, профессиональной деятельности в контексте создания «Толкового словаря живого великорусского языка», а на примере небольшой научной дискуссии конца XIX в. более детально освещается вопрос о роли этого Словаря в истории развития академической толковой лексикографии. Целью исследования было как обобщение известных фактов о В. И. Дале и его Словаре, так и обращение к менее известным источникам. В. И. Даль в истории русской культуры оставил заметный след в каждой из областей, с которыми был творчески или профессионально связан: он был и морским офицером, и врачом, и писателем, и чиновником Министерства внутренних дел. Весь профессиональный и творческий опыт В. И. Даля, а также глубокое знание народной жизни отразились на структуре, форме и содержании Словаря и сделали последний мериллом и образцом русской лексикографии. Последний тезис раскрывается на примере критической «Записки» И. Х. Пахмана (1899) о начале работы над «шахматовской редакцией» академического «Словаря русского языка». В данной «Записке» даются и некоторые оценки дальевскому изданию с точки зрения его использования в практике школьного обучения. Словарь В. И. Даля, несмотря на выявленные современниками недостатки, невольно был точкой отсчета и эталоном при обсуждении дискуссионных вопросов создания нового академического проекта и именно в этом качестве оказал влияние на дальнейшее развитие толковой академической лексикографии.

Ключевые слова: история отечественного языкознания, история толковой лексикографии русского языка, академическая лексикография, В. И. Даль

Для цитирования: Приемышева М. Н. «Самая жизнь знакомила, дружила меня всесторонне с языком...» (к 220-летию со дня рождения В. И. Даля) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 91–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"Life itself acquainted me with and made me become an intimate friend of language..."

(to the V. I. Dal's 220th anniversary of the birth)

Marina N. Priemysheva

*Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia,
mn.priemysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>*

Abstract. This paper devoted to V. I. Dal's 220th birthday anniversary presents a short review of his creative, professional activity in the context of compiling "The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language". Being exemplified by a brief scientific discussion which dates back to the end of the XIXth century, the role of this Dictionary in the history of the academic explanatory lexicography development is highlighted in greater detail. The aim of the

study was to generalise the well-known facts about V. I. Dal and his Dictionary as well as to refer to lesser-known sources. V. I. Dal contributed significantly to each of the spheres in which he was creatively or professionally involved: he was a naval officer, a doctor, a writer, and a civil servant of the Ministry of Internal Affairs. All Dal's professional and creative experience as well as his in-depth knowledge of folklife had an impact on the structure, form, and content of the Dictionary: they made it the yardstick and exemplar of Russian lexicography. This thesis is expounded in the course of studying I. Kh. Pachmann's critical "Memorandum" (1899) concerning the commencement of the work on the "Shakhmatov's revision" of the academic "Dictionary of the Russian Language". Additionally, this "Memorandum" provides certain evaluation of Dal's edition from the perspective of its educational potential that could be exploited in school education. Despite the drawbacks revealed by his contemporaries, V. I. Dal's dictionary inadvertently became the yardstick and exemplar in the discussion of the moot issues arising during the initiation of the new academic project. It is this dictionary that influenced the further development of explanatory academic lexicography.

Keywords: history of Russian linguistics, history of explanatory Russian lexicography, academic lexicography, V. I. Dal

For citation: Priemysheva M. N. "Life itself acquainted me with and made me become an intimate friend of language..." (to the V. I. Dal's 220th anniversary of the birth) // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 5. P. 91–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98. (In Russ.).

I

Имя Владимира Ивановича Даля относится к числу самых популярных и широко известных имен деятелей российской науки и культуры, без которых невозможно представить историю медицины, естествознания, фольклора, этнографии, литературы и, безусловно, — филологии и языкознания России. И хотя о В. И. Дале сказано, написано очень много, в честь его юбилея нельзя не сказать еще несколько слов о нем, о его великом наследии, о той роли, которую он, его труды и особенно его «Толковый словарь живого великорусского языка» сыграли в истории отечественной науки, в том числе и в истории отечественного языкознания.

Уникальными отличительными чертами будущего автора самого известного словаря русского языка были его творческая одаренность, оригинальность ума, постоянный творческий поиск, увлеченность всем, что он делал, невероятная инициативность во всех начинаниях, что позволяет характеризовать В. И. Даля как российского Леонардо да Винчи.

Из его широко известной биографии мы знаем о том, что он был морским офицером (1817–1825) и, закончив медицинский факультет Дерптского университета, служил военным врачом (1829–1833). Будучи другом А. С. Пушкина, он как врач находился в последние часы жизни поэта рядом с ним. С 1833 г. В. И. Даль работал при Министерстве внутренних дел, став с 1841 г. чиновником по особым поручениям. Все годы при этом В. И. Даль увлекался литературным творчеством (публиковал

стихи, повести, сказки, собрание русских пословиц и поговорок), тесно общался, помимо А. С. Пушкина, с Н. В. Гоголем, Н. И. Гречем, В. А. Жуковским, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, П. И. Мельниковым-Печерским и мн. др. Интересовался естествознанием. Был одним из учредителей Русского географического общества. С 1849 г. служил управляющим Нижегородской удельной конторы и именно с этой должности вышел в отставку в 1859 г., после чего все свое свободное время посвящал обработке собранных языковых материалов и системной работе над своим главным увлечением жизни — «Толковым словарем живого великорусского языка».

Каждая из сторон жизни, профессиональной деятельности В. И. Даля обязательно оставляла заметные, значимые следы в истории русской культуры, литературы, общественной жизни, военной и государственной деятельности и, как следствие, в его Словаре. Так, Я. К. Грот в своих воспоминаниях о Дале писал:

Имя Даля, как и псевдоним его Казак Луганский, было у нас, начиная с 30-х годов, одним из самых популярных. С самого появления в литературе известность его быстро распространилась, благодаря между прочим неожиданному запрещению, которому подверглись изданные им в 1832 году сказки [Грот 1875: 2].

Ранние стихи Даля, его сказки и были, бытовые повести, колоритно отражающие повседневную жизнь и духовный опыт русского народа, органично вписались в традиции натуральной школы русской литературы 30–40-х гг. XIX в.

Как медик, он интересовался таким малоизвестным в XIX в. методом, как гомеопатия, и применял его в своей медицинской практике. Работая чиновником при Министерстве внутренних дел, ходатайствовал об открытии при ряде столичных больниц гомеопатических отделений, а будучи управляющим Нижегородской удельной конторы, открыл гомеопатическое отделение при городской больнице. Его очерк «Об омеопатии» [Даль 1838], рассказывающий о практической пользе гомеопатии, был опубликован в 1838 г. и стал, по словам Я. К. Грота, одной из первых публикаций в России «по этому предмету».

Уникальным эпизодом в жизни будущего автора Словаря, ярко характеризующим личностные и творческие качества В. И. Даля, стало его участие в проектировании моста-переправы через Вислу в период польской кампании в 1831 г. Приведем краткий фрагмент об этом из «Свидетельства» командующего переправой — генерала Ридигера:

Для устройства переправы не было при Корпусе ни инженерных офицеров, ни команды мастеровых, ни запаса материалов — и даже все суда и лодки, кои находились по течению Вислы и могли служить для сообщения, были истреблены; а обстоятельства требовали совершить переправу с возможною поспешностию, дабы извлечь из предприятия ожидаемую пользу. При таковом положении дел, зная особенную ревность к службе и способности Доктора Медицины Даля, служившего во флоте лейтенантом и находившегося с 1829 года под моим начальством при войсках Медиком, я поручил 1-го июля ему, совместно с штабс-капитаном генерального штаба Семякиным, составить проект моста, и, пока будут собраны материалы, обучить набранных из полков людей мастеровым работам. Доктор Даль, приискав около с. Ванвольницы небольшое озеро, построил на оном, в течение семи дней, 12 больших и две малые лодки и паром на бочках, необходимые для первого десанта и для употребления при наведении моста; обучил гребцов и показал способы закидывать якоря и вязать плоты. Когда же нужное количество материалов было собрано и место для постройки моста обозначено... то лодки и паром сухим путем перевезены туда и спущены на Вислу. <...>

Неизлишним считаю еще присовокупить, что мост, построенный доктором Далем на широте Вислы 185 саж.<еней> в течение 25

дней с составления проекта оного, преотличной прочности, так что артиллерия и тяжести без всякого опасения переходили оный в обыкновенном маршевом порядке... [Ридигер 1833: 42–43, 45].

О широте интересов Владимира Ивановича Даля свидетельствует и его увлеченность естествознанием. Важная роль В. И. Даля в учреждении Русского географического общества бесспорна. Не менее показательно и то, что он стал автором учебного пособия для военно-учебных заведений «Ботаника» (СПб., 1848), востребованность которого подтверждает переиздание пособия в 1851 г.

С 1841 по 1849 г. В. И. Даль служил чиновником при Министерстве внутренних дел и продолжал до 1859 г. выполнять особые поручения по данному ведомству. Казалось бы, официальная государственная служба должна была мешать его увлечениям. Однако можно утверждать, что именно в эти годы В. И. Далем собрано не только самое большое количество примеров для Словаря, но и ценные материалы, связанные с языком офеней, бродячих торговцев, ремесленников, нищих, религиозных сект — хлыстов и скопцов, а также петербургских воров — мазуриков. Следует подчеркнуть, что собирание сведений о тайных языках сектантов и офеней было правительственным поручением, данным несколькими чиновникам специально созданной комиссии по счислению раскольников, в которую, помимо В. И. Даля, вошли И. П. Липранди, Н. И. Надеждин, П. И. Мельников, И. С. Силицын, И. С. Аксаков и некот. др., однако по-настоящему довел дело до конца, создав соответствующие словари, подготовив обширные по объему отчеты и записки, только В. И. Даль, а материалы, им и его коллегами собранные в процессе работы комиссии и сохранившиеся в том числе и в архивах В. И. Даля, стали уникальными источниками изучения русского тайноречия. В. Д. Бондалетов в монографии «В. И. Даль и тайные языки России» подробно осветил историю их создания (1854–1855) и впервые опубликовал их данные [Бондалетов 2005].

Прожив такую насыщенную профессиональную жизнь, реализуя свои таланты, знания, умения в совершенно различных

областях, В. И. Даль, выйдя в отставку, полностью отдался своему главному увлечению — работе над «Толковым словарем живого великорусского языка».

И если все ипостаси творческой и профессиональной жизни В. И. Даля как бы сменяли одна другую, как бы следовали друг за другом, то собирательство редких и неизвестных слов интересовало Даля с молодых лет.

Словарем занимался бессознательно, изучая язык, с 1819 года, когда на пути записывал слова; в 1829, в Турции, было уже много собрано; там были под рукою люди всех губерний. Горячее желанье мое исполнилось, я всегда мечтал посвятить себя с 60-ти лет одному этому делу <...>. При недостатке книжной учености и познаний, самая жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, все это вместе обнимало широкое поле, а с 1819 года, когда я на пути в Николаев записал в Новгородской губернии дикое тогда для меня слово *замолаживает* (помню это доныне) и убедился вскоре, что мы русского языка не знаем, я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов. Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества [Прот 1873: 5, 6].

Именно поэтому «Толковый словарь живого великорусского языка» является уникальным лексикографическим творением: в первую очередь он оказался своего рода летописью жизни В. И. Даля, энциклопедией тех сторон действительности, с которыми он сталкивался. А поскольку таких сторон оказалось безмерно много, то Словарь стал одновременно энциклопедией русской культуры, русского быта и русского духовного опыта. Это утверждение не требует доказательств, так как «Толковый словарь живого великорусского языка» вот уже на протяжении более чем 150 лет изучается, исследуется, ему посвящены и фундаментальные труды, и многочисленные небольшие исследования. И как все великие и гениальные творения Словарь оставляет для исследователей возможности для дальнейших открытий.

II

Словарь В. И. Даля уникален по объему и разнообразию лексики. И на данный исторический момент он является самым большим по составу словарем русского языка: Словарь в первом и втором изданиях включает около 200 000 слов, в третьем издании под ред. И. Бодуэна де Куртенэ — 220 000, тогда как «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) содержит около 120 000 слов (в новом издании объем предположительно составит 150 000 слов).

Важная особенность Словаря — охват бытовой, ремесленной и религиозной жизни России на всей ее обширной территории.

Словарь включает слова из области материальной культуры, относящиеся к пище, к устройству дома, к браку, свадьбе и свадебным обрядам, к поверьям и суевериям [Канкава 1958: 122–123]. В Словаре самым подробным образом представлены ботанические и зоологические названия, лексика (терминологическая, профессиональная, обиходная) по судостроению и судоходству, по рыболовству, по пчеловодству, по кожевенному производству, по мельничному производству, по шитью и ваяльному делу [Там же: 118–119].

Уникальной составляющей Словаря оказывается лексика офенского языка и других условных языков ремесленников-отходников, нищих и торговцев, различные жаргоны (семинаристов, картежников и др.), лексика раскольников различного толка, что по-прежнему делает его непревзойденным источником по изучению различных форм национального языка России XIX в.

Духовно-нравственные ориентиры народной жизни ярко и колоритно представлены через многочисленные пословицы, поговорки, через житейские сентенции и комментарии автора, а также через краткие, емкие, обычно объективные толкования, которые иногда несут на себе отпечаток оценочного суждения автора:

ВЕРА ж. уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; || верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; ||

совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство. || Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание...¹

ДОБРО ср. ...|| В духовн. знч. благо, что честно, и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно *худо* и *злу*. <...> **Добродетель** ж. доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; отвлеченно: добро, доблесть, противп. *зло, лихо, худо, порок*...²

Гнездовое расположение слов, вызвавшее, особенно у профессиональных лингвистов, много вопросов и замечаний, позволяет, однако, подойти к слову не с точки зрения точности и правильности его строения, а в контексте его смыслового, понятийного, звукового, ассоциативного потенциала, в контексте семантической взаимосвязи всех однокоренных образований.

Словарь, как и одна из его вводных частей, представляющая собой дополнительный очерк «О наречиях русского языка» (По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук) (1852), в котором сформулированы важнейшие для развития отечественной территориальной и социальной диалектологии положения, навсегда вписали имя В. И. Даля в историю отечественного языкознания.

Даль впервые не только обобщил и оформил классификацию русских диалектов, дал их системный обзор и основные характеристики, но и впервые в истории науки, рассматривая лексику офицеров, воров, тарабарский язык школьников и пр. (раздел — «О языках искусственных»), системно выделил их в самостоятельный лингвистический объект. Это позволило ученым считать В. И. Даля основателем традиции целенаправленного изучения социальных диалектов. С учетом имеющихся данных можно утверждать, что без

такой точки отсчета развитие социальной диалектологии в России было бы фактически невозможно или затруднено.

Словарь оказал бесспорное влияние и на развитие отечественной толковой лексикографии, в том числе — лексикографии академической.

III

О «Толковом словаре живого великорусского языка» и его значении в истории отечественной науки и культуры сказано немало. Однако чуть менее освещенным оказывается вопрос определения места и роли этого Словаря в истории развития русской академической лексикографии. Как авторский, самостоятельный, в высшей степени оригинальный, этот Словарь стоит особняком в традиции отечественной лексикографии и теоретически не относится непосредственно к истории развития толковой академической лексикографии. Хотя В. И. Даль и учитывал опыт предшествующих ему крупнейших академических проектов — «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858), — но создал абсолютно самостоятельный, уникальный по типологии, по широте и глубине, по методике лексикографической работы труд. Однако, несмотря на широчайшее признание и высочайшие оценки современников, известно, что профессиональные лингвисты подвергли Словарь серьезной критике (см., напр., [Грот 1899] и мн. др.) за ошибки в этимологии, в гнездовом расположении слов, за «пуризм» в отношении заимствований, за неточности в толкованиях, в пометах, в грамматике и мн.-мн. др.

Однако Словарь В. И. Даля, несмотря на это, безусловно, стал со второй половины XIX в. ориентиром для толковой академической лексикографии.

Исключением, пожалуй, был академический «Словарь русского языка» (1891–1895) под ред. Я. К. Грота. Гротовский словарь не демонстрирует влияния далевского издания по ряду причин. Во-первых, II Отделением Императорской Академии наук Я. К. Гроту было предложено возглавить переиздание академического словаря еще в начале 1860-х гг., и его изыскания

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 331. Все выдержки из Словаря Даля даются в современной орфографии.

² Там же. С. 443–444.

по этому вопросу начались в то время, когда Словарь Даля еще не успел прочно войти в отечественную лексикографическую традицию. Во-вторых, Я. К. Грот как основной официальный рецензент Словаря от Академии наук более других понимал сложности и трудности повторения такого лексикографического опыта.

Однако ситуация изменилась после смерти Я. К. Грота, когда по поручению Отделения работу над академическим толковым словарем возглавил А. А. Шахматов.

Важнейшим наследием далевской традиции, которую подхватил Шахматов, стало принципиальное отсутствие нормативности в толковом словаре:

Я сравнивал Словарь Даля с изданными выпусками Словаря: и как призванный к продолжению начатого Словаря, я все время завидовал Далю; он при работе над Толковым Словарем имел дело с живым русским человеком и при том не обезличенным; астраханец и вологжанин, пермяк и калужанин — вот кто создавали и продолжают создавать русскую речь, и это так наглядно видно из Словаря Даля; я боюсь, что в будущих выпусках нашего академического Словаря, вместо этих живых лиц, слишком ярко выступит личность редактора, который возьмет на себя неблагодарную, скажу более — крайне тяжкую и вместе ответственную задачу обезличить, обесцветить русский язык и сузить понятие о нем. На такую работу можно согласиться только в том случае, если всюду и везде авторитет живой русской речи может быть заменен авторитетом печатного слова в произведениях наших писателей. Но ведь несомненно, что тогда мы опять встретимся с русским народом, с тем же курянином и пермяком. Зачем же избегать личной с ним встречи и рядом с этим стремиться к знакомству с ним через посредство третьих лиц — наших писателей? [Шахматов 1899: XV].

И этот новый подход к толковой академической лексикографии на долгие десятилетия изменит ее путь. Так, например, диалектный материал наравне с литературным широко вошел в академический «Словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова (1895–1929 гг.), под ред. Н. С. Державина (1929–1937 гг.). При этом «Словарь современного русского литературного языка» (БАС-1), в свою очередь наследуя многие традиции шахматовского издания, несмотря на смену концепции, сохранил и гнездовой принцип расположения материала

(в первых четырех томах), и внимание к областному слову, и некоторые особенности метаязыка.

Однако показательно, что в период начала работы над новыми выпусками словаря под редакцией А. А. Шахматова состоялась серьезная научная дискуссия редактора с И. Х. Пахманом, смотрителем казенных училищ, филологом, в прошлом учителем-словесником, серьезным критиком нового издания академического словаря. В этом противостоянии именно Словарь В. И. Даля (а не предшествующие академические проекты) выступил своего рода точкой отсчета, каноном, мерилom, критерием идеального толкового словаря. Не углубляясь в сущность дискуссии, остановимся на ряде суждений И. Х. Пахмана о Словаре Даля, которые по структуре рассуждения представляли собой примеры, неудачной антитезой которым выступал новый академический словарь.

Развивая тезис об адресате толкового академического словаря, И. Х. Пахман ставит под сомнение (с учетом введения новых принципов работы) его широкую востребованность, так как, по его опыту, даже такой замечательный словарь, как Словарь Даля, не всегда пользуется спросом широкой и учебной аудитории:

Насколько я могу судить по одной гимназии в северо-западном крае, в которой я лет пятнадцать тому назад состоял преподавателем, наша учащаяся молодежь и даже их учение мало нуждаются в хороших словарях, так как не только ни один ученик этой гимназии, но и многие учителя тогда не знали о существовании словаря Даля, и имевшийся там экземпляр его никогда не вынимался из библиотечного шкафа даже самим учителем словесности. То же самое замечается и в низших учебных заведениях, где о словаре Даля и понятия не имеют, а если в каком-нибудь уездном училище он и обретается, то он в самом шкафу заткан паутиною и покрыт пылью, чему я был свидетелем [Пахман 1899: 2].

Однако основными и очень благодарными пользователями словарей, и особенно Словаря В. И. Даля, являются учителя и школьники национальных школ:

Для лиц этой категории, для учителей из немцев, поляков, евреев, армян, грузинов [так! — М. П.] и т. п., вопрос о хорошем словаре то же самое, что вопрос о хорошем орудии для ремесленника. Вот почему во всех еврейских и

немецких начальных училищах, располагающих какими ни на есть суммами на библиотеку, словарь Даля есть настольная книга, тут же в учительской комнате на всякое востребование приготовленная, служа учителю единственным источником, из которого он всегда черпает необходимые сведения по части образования форм слов и толкования их [Там же: 3].

И. Х. Пахман выступает против алфавитного порядка слова в академическом словаре по целому ряду причин. Например, система многочисленных отсылок в академическом словаре, по мнению автора «Записки», затрудняет и путает читателей не менее, чем поиск слова в Словаре Даля. Также автор привлекает и общефилологический, общекультурный аргумент:

Редакция Словаря, в видах облегчения читателя при отыскании им слов, предпочла порядок размещения слов, называемый Далем голословным, и, низведши этим свой новый Словарь на степень простой справочной книги, лишила его всякого учебного значения. Заурядного читателя, обращающегося к словарю только за разъяснением одного отдельного слова, он, благодаря обилию приводимых в нем примеров, удовлетворять еще может: но настоящий читатель, учитель, для которого словарь есть свод законов изменений слов, им в настоящем его виде довольствоваться не может [Там же: 5–6].

И далее автор продолжает:

Замечу кстати, что этим обстоятельствам [гнездовому расположению слов. — М. П.] мы обязаны тою, сравнительно, краткостью, которою Словарь его, при всей его возможной полноте, отличается, — краткостью, дающею возможность обозревать гнезда слов с птичьего полета, легко изучить корни со всеми относящимися к ним производными словами и без особого напряжения выносить из чтения отдельных статей словаря кое-что цельное, законченное, — достоинства, бесспорно, ценные, незаменимые, но отсутствующие в новом Академическом Словаре [Там же: 9].

Гнездовой порядок, по Пахману, позволял наглядно, в отличие от нового издания, видеть диапазон глагольных форм и видов, а также их приставочных образований:

Сопровождая глагольные статьи такими существенными аксессуарами, допуская таким образом образования новых форм, не чуждых духу языка, Даль этим самым как бы косвенно

подтверждает — чуть ли не в сотый раз — жизненность языка, его бесконечность, его неисчерпаемость [Там же: 25].

Даже отсутствие нормативного принципа, одним из аргументов в пользу которого для Шахматова выступил Словарь Даля, стало для Пахмана поводом для упрека:

Редакция Словаря задала себе задачею добыть из всей двухвековой письменности и из устного разговора во всех уголках России все факты языка и их зарегистрировать, не подвергнув их никакой оценке, ни же малейшей ошлфовке. Последнее условие кажется мне неудобным во многих отношениях, так как оно может вести к недоразумениям в языке, а именно, может вводить в заблуждение читателя не русской национальности, который многие искорверканные слова, внесенные в Словарь в красную строку без исправления и оговорки, будет принимать за литературные выражения и заимствовать для уснащения своей речи [Там же: 16].

И финальным обобщением автора является следующее:

Редакция сама по себе предполагает законченность языка, достижение им крайнего предела, дальше которого он уже не пойдет! Но ведь это своего рода провозглашение застоя в языке и подведение ему итога! Ведь это, наконец, парадокс! Нет, уж куда плодотворнее и целесообразнее были бы все хлопоты Академии, если бы вместо издания своего нового Словаря она взялась за исправление, дополнение и очистку словаря Даля [Там же: 26].

Приведенный эпизод дискуссии из истории академической лексикографии позволяет ярко и наглядно показать авторитетность Словаря Даля как для профессиональных лингвистов, так и для неподготовленных читателей, для учебной аудитории, в том числе не русскоязычной, его колоссальную роль, которую он играл в учебной, филологической, научной жизни своего времени.

Словарь и сегодня широко используется в текущей работе современных лексикографов как источник по лексикологии и семантике, фразеологии и паремиологии при лексикографическом описании современного русского языка. Он по-прежнему актуален и с точки зрения изучения метаязыка лексикографии: принципы толкования, система помет, ремарок, комментарии,

объем словника и т. п. — все в нем представляет профессиональный интерес.

И самое удивительное для истории русской культуры, и особенно для русской лексикографии, то, что самый большой словарь русского языка создан не ученым, а русским офицером, военным врачом, чиновником, писателем — В. И. Далем. Подготовленный не профессиональным лингвистом, Словарь давно вышел за пределы границ русской филологической науки, перестав быть просто словарем: он стал слепком русской национальной культуры XIX в., и энциклопедией русской жизни, и культурным символом России, и, безусловно, лексикографическим памятником всей жизни такого выдающегося и творческого человека, как Владимир Иванович Даль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки России. М.: Флинта: Наука, 2004. 453 с.
2. Даль В. И. Об омеопатии: Письмо кн. В. Ф. Одоевскому. СПб., 1838. 30 с.
3. Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (с извлечением из его писем). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. 23 с.
4. Грот Я. К. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Труды Я. К. Грота. Т. II. Филологические разыскания. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1899. С. 1—45.
5. Канкава М. В. В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. 356 с.
6. Ридигер Ф. В. Свидетельство // Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридегера. СПб.: в тип. Н. Греча, 1833. С. 42—46.
7. Пахман И. Х. План Нового академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 39 с.

8. Шахматов А. А. Записка <о «Словаре русского языка»> / Извлечения из протоколов // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. С. XII—XVI.

REFERENCES

1. Bondaletov V. D. V. I. Dal and the secret languages of Russia. Moscow: Flinta: Science, 2004. 453 p. (In Russ).
2. Dal V. I. On homeopathy: a letter to V. F. Odoyevsky. Saint-Petersburg: 1838. 30 p. (In Russ).
3. Grot Ya. K. Memories of V. I. Dal (with an extract from his letters). Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1873. 23 p. (In Russ).
4. Grot Ya. K. Explanatory dictionary of the living great Russian language by V. I. Dal. *Proceedings of J. K. Grot*. Vol. II. Philological research. Saint-Petersburg: Printing house of the Moscow travel community, 1899. P. 1—45.
5. Kankava M. V. V. I. Dal as a lexicographer. Tbilisi, 1958. 356 p. (In Russ).
6. Ridiger F. V. Certificate. *Description of the bridge built on the Visle river for the passage of lieutenant general Ridegera detachment*. Saint-Petersburg: N. Grecha publ., 1833. P. 42—46. (In Russ).
7. Pakhman I. Kh. Outline of a new academic dictionary from the point of view of a foreign language. Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1899. 39 p. (In Russ).
8. Shakhmatov A. A. Note about the "Dictionary of the Russian language". Extracts from protocols. *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences*. Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1899. Vol. 64. P. XII—XVI. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Николаевна Приемышева, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Deputy Director for Scientific Work, Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 29.06.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 29.06.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 23.07.2021.